

Мгновение между вспышками было таким коротким, что Линь Чжи даже усомнилась: не почудилось ли ей?

Через минуту темнота в комнате подтвердила — это не обман зрения.

Она нащупала в потёмках дверную ручку и вышла в коридор.

В гостиной как раз появился Сун Янь. Увидев её у двери, за спиной которой царил кромешная тьма, он спросил:

— Что случилось?

— Кажется, перегорела лампочка, — ответила Линь Чжи.

Сун Янь снял очки и пошёл в кладовку за ящиком инструментов.

Линь Чжи удивилась:

— Ты умеешь менять лампочки?

Он пожал плечами, будто речь шла о чём-то совершенно обыденном:

— Да это же просто заменить лампочку.

Любой, кто учил физику, справится.

Последнюю фразу он проглотил, заметив её восхищённый взгляд.

Гортань слегка дрогнула, и уши, казалось, начали гореть.

«Наверное... наверное, просто батареи слишком сильно греют», — подумал он.

Сун Янь встал на стул, одной рукой держа фонарик, а Линь Чжи снизу придерживала стул и подавала ему инструменты.

— Готово, — сказал он, спрыгивая на пол. — Попробуй включить.

Линь Чжи подошла к выключателю и щёлкнула им. Свет вспыхнул.

— Загорелось! — улыбнулась она. — Спасибо.

Сун Янь тихо кивнул:

— Пойдём есть.

* * *

Дни текли медленно, всё оставалось спокойным и неизменным, но некоторые вещи и люди всё же постепенно менялись.

В канун Нового года Уйма в спешке приготовила ужин и вместе с Сяо Лянь отправилась домой — встречать праздник со своей семьёй.

Изначально Сун Янь отпустил их гораздо раньше, но Уйма не могла оставить его и Линь Чжи одних.

Оба такие несчастные дети... Если ещё и дом будет холодным и пустым, станет совсем невыносимо.

Поэтому они продержались до самого последнего дня и уехали лишь тогда, когда из дома позвонили и стали торопить.

Теперь в огромном доме остались только Сун Янь и Линь Чжи.

По телевизору шло новогоднее шоу, за окном слышались хлопки фейерверков.

Это был самый безлюдный Новый год в жизни Линь Чжи.

Зато Сун Янь, похоже, давно привык к такой обстановке.

Бывало, Сун Жу не успевала вернуться вовремя, и он проводил вечер один — заказывал еду, быстро ел и уходил спать.

Для него канун Нового года отличался от обычного дня лишь тем, что вокруг становилось шумнее и мешало заснуть.

Линь Чжи смотрела в окно — фейерверки взрывались именно в стороне речного берега.

— Я слышала от Чжи Чжань, что каждый год на речном берегу Бэйчэна устраивают фейерверк-шоу, — сказала она.

Сун Янь на мгновение замер, держа вилку, потом поднял глаза:

— Хочешь пойти?

Она радостно кивнула:

— Очень!

Сун Янь опустил взгляд на тарелку:

— Поедим — и пойдём.

Возможно, желание выбраться на улицу было настолько сильным, что Линь Чжи ела необычайно быстро. Сун Янь незаметно взглянул на неё и едва заметно приподнял уголки губ.

* * *

Зимняя ночь в Бэйчэне была пронизывающе холодной. Линь Чжи надела шапку, обмотала шарф и вышла на улицу вместе с Сун Янем.

Утром снег уже прекратился.

Она ступила в сугроб, и ледяной ветер заставил её спрятать покрасневшие руки в карманы пальто.

Оглядывалась по сторонам — то вправо, то влево.

Эта ночная улица была ей впервые, а из-за праздника здесь было ещё оживлённее, чем обычно.

Людей было так много, что Линь Чжи то и дело толкали, и однажды она чуть не упала.

Её запястье сжали — сквозь рукав пальто она почувствовала тепло ладони Сун Яня.

Она устояла на ногах и поблагодарила его.

Сун Янь чуть сжал губы:

— Держись за меня.

— А? — растерялась она.

— Здесь слишком людно. Держись, а то потеряешься.

Линь Чжи поняла и кивнула, немного помедлив, затем аккуратно ухватила за край его пальто.

Они шли друг за другом, и Линь Чжи, увлечённая яркими прилавками, даже не заметила, как Сун Янь осторожно прикрыл её ладонью сзади, защищая от толпы.

— Линь Чжи! Линь Чжи! — раздался за спиной знакомый голос.

Она обернулась. Через толпу к ней прыгала Чжи Чжань с сахарной фигуркой в руке.

Пробившись сквозь людей, она запыхалась:

— Почему ты не отвечаешь на звонки?

Линь Чжи только сейчас вспомнила: во время выполнения домашнего задания она перевела телефон в беззвучный режим.

— Прости, я не услышала.

Чжи Чжань великодушно махнула рукой:

— Вот здорово! Мы даже не связывались, а всё равно столкнулись. Это же судьба!

Она держала несколько пакетов с фейерверками:

— Пойдём на берег запускать их!

В тот же момент зазвонил телефон Сун Яня.

Когда они добрались до речного берега, там уже собралась толпа. Цзян Цзин прижимал к груди свой драгоценный баскетбольный мяч — на нём, по слухам, стоял автограф Коби Брайанта, поэтому он берёт его как зеницу ока и никому не позволял даже прикоснуться.

Увидев Сун Яня, он посмотрел на него так, будто перед ним стояло чудовище:

— Ты же терпеть не можешь всё это — говоришь, слишком шумно и мешает спать. Какого чёрта ты вообще сюда пришёл?

Сун Янь проигнорировал его.

Цзян Цзин пожал плечами — он давно привык к его молчанию.

Но, заметив Линь Чжи за спиной Сун Яня, его глаза вдруг загорелись:

— Богиня!

Лицо Линь Чжи покраснело:

— Зови меня просто Линь Чжи.

После того случая при виде Цзян Цзина у неё автоматически всплывали неловкие воспоминания.

Он же, напротив, забыл обо всём и свободно подошёл к ней:

— Ты тоже пришла запускать фейерверки?

Она кивнула:

— Да.

Чжи Чжань подбежала с пакетами и спросила Цзян Цзина:

— У тебя случайно нет зажигалки?

Он прижал мяч к груди и наивно покачал головой:

— Я же не курю. Зачем мне зажигалка?

Потом кивнул в сторону Сун Яня:

— У него есть.

Сун Янь ответил с прежней сдержанностью:

— У меня нет.

— Как это нет? Ты же куришь!

— Бросил.

— Бросил? Да ты издеваешься! С твоей-то зависимостью... — Он уставился на Сун Яня, убедившись, что тот не шутит. — Неужели правда бросил?

...

Чжи Чжань уже где-то раздобыла зажигалку. Она была смелой — запускала самые крупные фейерверки без страха.

Сначала вспыхнуло белое «дерево»: сначала маленькие искры, потом всё ярче и громче, озаряя поверхность реки треском и всполохами.

Не дождавшись, пока оно догорит, Чжи Чжань уже зажгла второй.

Красный, очень большой, с красивой упаковкой.

Сначала она не знала, что это такое.

Подарили ей вдобавок к покупке.

Когда загорелся красный фитиль, она прочитала надпись на упаковке и мгновенно швырнула её в реку.

Линь Чжи как раз фотографировала фейерверк на телефон, как вдруг оглушительный взрыв заставил её вздрогнуть — телефон чуть не выскользнул из рук.

Чжи Чжань возмущённо выругалась:

— Да чтоб тебя! Подсунули чёртову бомбу!

...

Время шло, и на берегу оставалось всё меньше людей.

Большинство ушли встречать полночь.

Дома никого не было — пусто и одиноко, поэтому Линь Чжи не особенно хотелось возвращаться.

Когда фейерверки закончились, Чжи Чжань таинственно вытащила три капсулы времени:

— Хорошо, что я предусмотрела и взяла лишние.

Цзян Цзин нахмурился:

— Какая предусмотрительность? Нас четверо, а капсул всего три.

Чжи Чжань задумалась, потом вдруг осенило:

— Вы же живёте вместе! — обратилась она к Линь Чжи и Сун Яню. — Вам и так всё друг о друге известно. Одной капсулы вам хватит.

Она протянула одну Сун Яню, другую — Цзян Цзину:

— Напишите на бумажках свои новогодние желания, положите внутрь и закопайте. Через пять лет вернёмся и раскопаем.

Линь Чжи взяла ручку:

— Новогоднее желание?

Чжи Чжань кивнула:

— И не подглядывайте! Иначе не сбудется.

С этими словами она отвернулась и начала писать своё желание.

Линь Чжи посмотрела на чистый листок, помедлила и всё же написала две строчки:

Первая: «Скорее найти маму».

Аккуратно сложив записку, она положила её в капсулу.

Сун Янь уже закончил писать.

Две записки оказались в одной капсуле и были закопаны у самой опушки леса.

Цзян Цзин спросил Сун Яня:

— Какое желание загадал?

Тот помолчал:

— То же, что и на день рождения.

— Ого! У тебя вообще бывают желания на день рождения?

Цзян Цзин и Сун Янь знали друг друга давно. Этот парень жил как бессмертный: богатая семья, никогда ничего не не хватало. Ему было всё равно. Совсем не как обычным смертным вроде Цзян Цзина, который на каждый день рождения загадывал по сотне желаний.

Сун Янь опустил глаза на Линь Чжи, которая что-то обсуждала с Чжи Чжань.

Изящные черты лица, нежно-розовые губы.

Раньше этого не было.

Но теперь — появилось.

После того как капсулы были закопаны, они сели на берегу, ожидая полуночи.

На экране дальнего небоскрёба начался обратный отсчёт до Нового года.

От шестидесяти.

Секунда за секундой.

Линь Чжи следила за цифрами.

Две превратились в одну, одна — в ноль.

— С Новым годом, — тихо произнёс рядом низкий голос, так тихо, что услышала только она.

Она кивнула в ответ:

— С Новым годом.

После праздника Чжи Чжань и Цзян Цзин стали невероятно занятыми — разъезжали по родственникам с поздравлениями.

У родителей Линь Чжи не было братьев и сестёр, а остальные родственники — дальние, с которыми давно не общались. Если бы встретились, Линь Чжи даже не узнала бы их.

На следующий день за обедом зазвонил телефон Сун Яня.

Он вышел принять звонок, а вернувшись, выглядел неважно.

Съев пару ложек, он посмотрел на Линь Чжи:

— Сегодня, возможно, мне придётся съездить к деду.

Она кивнула:

— Хорошо.

Он слегка прикусил губу:

— Я скоро вернусь.

— Не спеши, — сказала она.

— Ничего страшного.

Линь Чжи знала: он боится, что ей будет скучно одной. Но, честно говоря, ей было одинаково скучно — и в одиночестве, и с ним.

Сун Янь уехал сразу после обеда.

Линь Чжи вскоре отправилась в танцевальный зал.

Дома всё равно делать нечего — лучше потренироваться.

Ночью снова пошёл снег — крупный, пушистый, словно гусиные перья. Он добавлял ночи особую красоту.

Ещё не налюбовавшись снегом, Линь Чжи сделала несколько фотографий.

Тун Линь переобувалась внутри и спросила:

— Линь Чжи, разве тебе сегодня не нужно ходить в гости к родственникам?

Руки Линь Чжи замерли. Через мгновение она покачала головой:

— Нет.

Тун Линь вздохнула:

— Как тебе повезло.

Заметив, что настроение подруги изменилось, Линь Чжи спросила:

— Что случилось?

Та развернула уже сложенные носки:

— Мама опять сравнивает меня с двоюродными братьями и сёстрами. Вечно твердит: «Посмотри, какой у них такой-то!» Не понимаю, пусть хоть и хороши эти «чужие дети», но ведь это не её ребёнок! Зачем постоянно меня унижать?

Сердце Линь Чжи больно кольнуло.

Как давно она не видела маму...

Снег за окном становился всё сильнее.

После тренировки Линь Чжи пошла домой под зонтом и вдруг захотела сладкого. Свернув на

одну из улочек, она направилась к кондитерской — Тун Линь как-то упоминала, что там делают отличный карамельный крем-брюле.

Этот район состоял из старых зданий с богатой историей.

Подошедшая официантка спросила, что она желает.

Линь Чжи наклонилась к витрине с десертами и заказала тирамису и карамельный крем-брюле.

На ней было немного одежды: светло-коричневое трикотажное платье и пальто с пуговицами в виде рогов.

Официантка упаковала заказ и протянула ей:

— Приходите ещё!

Линь Чжи взяла пакет и поблагодарила.

Выходя из магазина, она открыла дверь.

Ветер усилился, ветви деревьев зашумели.

Шаги Линь Чжи внезапно замерли.

<http://bllate.org/book/11342/1013442>